

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков

СВАДЬБА С СЕКРЕТАРЯМИ

(Подлинное письмо рабкора Толкача)

Пардон! Что письмо мое, дорогие товарищи редактора, не носит столичного характера, а узкоместный. Однако если бы не существовал на свете "Гудок", знаменитый обличитель всех, то моя статья-заметка погибла бы в пучине неизвестности благодаря существованию нашей стенной газеты, в редакционную коллегия которой входит как раз ниже описанная мною личность – номер первый. А не дурак же он! Чтобы сам про себя помещал обличающую корреспонденцию во весь рост!

Нет, далеко не дурак, и в частности в смысле самогона.

Итак, в нашем богоспасаемом Льгове II я проходил в компании комсомольцев и беспартийных, и разговаривали мы о поднятии производительности в республике, как слух наш был поражен звуками трубного оркестра, урезавшего марш "На сопках Маньчжурии", на весь Льгов II. Осмотревшись, мы убедились, что оркестр происходит из железнодорожника Харченко, квартирующего здесь. Тут же мы констатировали факт свадьбы в доме обозначенного Харченко на антирелигиозной основе. Интересуясь антирелигиозным браком, мы, прильнув к освещенным окнам, разглядели в бездне беспартийной молодежи и разлагающихся стариков лица:

- 1) секретаря ячейки РКП т. Полякова,
- 2) бывшего секретаря ячейки комсомола,

причем на обоих лицах, как бывшего, так настоящего, была написана жажда.

Пораженные, мы стали ждать, что она обозначает, причем комсомолец Сеня заметил:

– Я знаю, чего Поляков затесался сюда, специально для проведения свадьбы. Погодите, ребята, сейчас он выступит с речью, причем вы все ахнете, до того он изумительно красноречив.

И мы задержались, облепив окна, как гроздь винограда.

И хозяин Харченко вручил П. и бывшему секретарю по громадной чарке самогона, вызвав страшный хохот в беспартийной массе, любовавшейся свадьбой под окнами, и разные слова, как-то:

– Хороши наши секретари. Они, оказывается, ждали самогону, как вороны крови.

И тут я, сгорая от стыда, услышал антирелигиозную речь П., содержание коей я немедленно занес в свою записную книгу дословно:

– Здоровье новобрачных! Ура!

И затем после второй чарки самогона:

– Горько! Горько!

После чего под громовой хохот все напились.

Я прямо краснею. Толкач

Письмо списал МИХАИЛ

"Гудок", 18 апреля 1925г.

КАК БУТОН ЖЕНИЛСЯ

В управлении Юго-Западных

провизионки выдают только женатым.

Холостым – шиш. Стало быть, нужно

жениться. Причем управление будет

играть роль свахи.

Рабкор N"2626

А не думает ли барин жениться.

Н. В. Гоголь (Женитьба)

Железнодорожник Валентин Аркадьевич Бутон–Нецелованный, человек упорно и настойчиво холостой, явился в административный отдел управления и вежливо раскланялся с провизионным начальством.

– Вам чего-с? Ишь ты, какой вы галстук устроили – горошком!

– Как же-с. Провизионочку пришел попросить.

– Так-с. Женитесь.

Бутон дрогнул:

– Как это?

– Очень просто. ЗАГС знаете? Пойдете туды, скажете: так, мол, и так. Люблю ее больше всего на свете. Отдайте ее мне, в противном случае кинусь в Днепр или застрелюсь. Как вам больше нравится. Ну, зарегистрируют вас. Документики ее захватите, да и ее самое.

– Чьи? – спросил зеленый Бутон.

– Ну, Варенькины, скажем.

– Какой... Варенькины?..

– Машинистки нашей.

– Не хочу, – сказал Бутон.

– Чудачина. Желая добра тебе говорю. Пойми в своей голове. Образ жизни будешь вести! Ты сейчас что по утрам пьешь?

– Пиво, – ответил Бутон.

– Ну, вот. А тогда шоколад будешь пить или какао!

Бутон слегка стошнило.

– Ты глянь на себя в зеркало Управления Юго-Западных железных дорог. На что ты похож? Галстук, как бабочка, а рубашка грязная. На штанах пуговицы нет, – ведь это ж безобразие холостяцкое! А женишься, – глаза не успеешь продрать, тут перед тобой супруга: не желаете ли чего? Как твое имя, отчество?

– Валентин Аркадьевич...

– Ну, вот, Валюша, стало быть, или Валюн. И будет тебе говорить: не нужно ли тебе чего, Валюн, не нужно ли другого, не нужно ли тебе, Валюша, кофейку, Валюше – то, Валюше – другое... Взбесишься прямо!.. То есть что это я говорю?.. не будешь знать, в раю ты или в ю.-з. же-де!

– У ней зуб вставной!

– Вот дурак, прости Господи. Зуб! Да разве зуб – рука или нога? Да при этом ведь золотой же зуб! Вот чудачина, его в крайнем случае в ломбард можно заложить. Одним словом, пиши заявление о вступлении в законный брак. Мы тебя и благословим. Через год зови на октябрины, выпьем!

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Не хочу! – закричал Бутон.

– Ну ладно, вижу, вы упрямец. Вам хоть кол на голове теши. Как угодно. Прошу не задерживать занятого человека.

– Провизионочку позвольте.

– Нет!

– На каком основании?

– Не полагается вам.

– А почему Птюхину дали?

– Птюхин почище тебя, он женатый!

– Стало быть, мне без провизии с голоду подыхать?

– Как угодно, молодой человек.

– Это что же такое выходит, – забормотал Бутон, меняясь в лице. – Мне нужно или жизни лишиться с голоду, или свободы моей драгоценной?!

– Вы не кричите.

– Берите! – закричал Бутон, впадая в истерику, – жените, ведите меня в ЗАГС, ешьте с кашей!! – и стал рвать на себе сорочку.

– Курьер! Зови Вареньку! Товарищ Бутон предложение им будет делать руки и сердца.

– А чего они воют? – осведомился курьер.

– От радости ошалел. Перемена жизни в казенном доме.

МИХАИЛ

"Гудок", 28 апреля 1925г.

БУЗА С ПЕЧАТЯМИ

– Придется мне к месту моего жительства ездить, – сказал младший агент охраны Уткин Василий, – видно, не миновать мне начальству писать прошение.

Уткин Василий вооружился химическим карандашом и начертал некрасивыми буквами такое:

"ЗАЯВЛЕНИЕ

начальнику 2-й команды 3-го района

охраны грузов Сев.-Зап.ж.д.

Товарищ начальник, прошу вашего ходатайства о выдаче мне сезонного проездного билета от станции Медведево – места моей службы – до ст. Едрово местожительства.

Младший агент охраны грузов

Уткин Василий"

Взяв с собой произведение своей руки, Уткин Василий отправился в Едровский сельсовет и сказал председателю:

– Заверь мне, милый человек, заявленьце!

Председатель сельсовета жидким чернилом на обороте уткинского произведения

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru написал так:

"Подпись руки Василия Уткина Едровский сельсовет удостоверяет.

Председатель Васячкин".

Засим Уткин Василий направился в волостной исполком и вышел из него, имея на своей бумаге еще одну приписку, пониже на две строчки:

"Изложенное и подпись предсельсовета Васячкина Едровский ВИК удостоверяет.

Предвика (подпись неразборчива).

Секретарь (подпись совершенно неразборчива)".

Кроме того, на бумажке Уткина Василия помещались две печати: одна в левом верхнем, другая – в правом нижнем углу. Печати были очень красивые, круглые, синие, и в центре их помещалась закорюка, отдаленно напоминающая изображение серпа и молота.

– К кому бы еще пойти заверить? – рассуждал сам с собой Уткин Василий. – Впрочем, больше ни к кому не надо. Подписей достаточно, и парочка печатей. Правда, ни один леший не разберет, что на этих печатях, но это все равно.

*

Засим начались уткинские неприятности. По прошествии времени, которое полагается на волокиту и бюрократизм, получил обратно от начальства Уткин свое заявление, на котором было написано красивым и бойким почерком:

"Ввиду неясной и неразборчивой печати в просьбе отказать и не выдавать до получения заявления, заверенного ясными печатями".

Уткин, по прошествии времени, которое полагается на то, чтобы обомлеть, пополз опять в сельсовет и из сельсовета в ВИК с новым заявлением. Повое заявление ему опять заверили и поставили те же самые печати.

По прошествии времени, которое полагается на бузу и волюнку, Уткин вновь получил от начальства своего заявление с резолюцией:

"Отказать за неясностью печати".

Уткин явился вновь в сельсовет и ВИК с новым заявлением, причем сказал:

– Видно, братцы, ваши печати делал Федя, на свою рожу глядя.

Уткину вновь поставили на бумаге федины произведения искусства. Уткин отправил бумагу начальству, и по прошествии времени бумага явилась обратно с резолюцией, которая Уткину уже была хорошо знакома:

"Отказать за неясностью печати".

Тут Уткин сел на стул и заревел, как от зубной боли.

*

Чем все это кончится – неизвестно. Что вы, граждане, в самом деле, младшего агента охраны Уткина умучить хотите?!

МИХАИЛ

"Гудок", 30 апреля 1925 г.

КАРАУЛ!

Ректору ГИЖа

Уважаемый товарищ ректор!

Пишу это на предмет полного искоренения нижеперечисленных лиц. В противном случае советской периодической прессе угрожает гибель со всеми ее приложениями. А лица эти по вашему ведомству.

Итак: глава 1. АЛЬБЕРТ

"Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня свалилась шляпа" – такое написал незабвенный писатель Антон Павлович Чехов. Но он это написал в "Жалобной книге", а не в книге со звучным и привлекательным названием "Под восточной звездой" (библиотека "Огонька"). Ее – эту книгу можно иметь у любого газетчика за 15 коп., а в ней на стр. 9-й:

"...они не думают о том, что прямо из мавританских зал этого дворца им предстоит поездка через бурное море, прячась под кучей просоленных брезентов на палубе рабочей шхуны".

Это на 9-й странице, которая следует, как известно, за 8-й, а 8-я роковая. До 8-й плыл автор Альберт Сыркин более или менее благополучно, а на 8-й плюнул, махнул рукой и перестал бороться с хитрым русским языком. И начались аварии:

"... нефть куда-то возилась в грязных цистернах"...

Протестую, как читатель, заплативший за "Звезду" 15 коп. Даже за такую ничтожную сумму ничего этого не может быть на свете, если и "возилась", то не куда-то, а если "куда-то", то не "возилась". А возили ее, проклятую нефть! Возили ее! Возили!! Она – неодушевленная дрянь.

Положим, глагол каверзный. Вообще путаница и непонятно.

"...Он не захотел ехать в Москву, а в ы з в а л с я дипломатическим курьером в Карс!" (стр. 17).

Может быть два решения: или не хватает четырех слов, сам вызвался поехать в качестве дипломатического курьера, или – что ужаснее всего – не нефтяной ли это истории повторение: "его вызвали"? (Вызвался – вызвали, как возилась – возили?)

О, если так! Тогда Альберту очень плохо в волнах русского языка. И ему действительно нехорошо, и именно на стр.10-й:

"Энвер-Паша былой диктатор Турции, руководитель армянских резней..."

Энвер-Паша – плохой человек, но множественного числа у слова "резня" нет. Это печально. Русский язык недостаточно усовершенствован, но нету. Слову "резь" посчастливилось, – имеет "рези", но они не всегда армянские.

Армянская же всегда резня, сколько бы раз негодяй Энвер ее ни устроил. Кстати, об армянах: слова "порядконачальник" (стр. 17) нету тоже. Слово "консула", если говорить откровенно, заменено в русском языке словом "консулы". "Лы". Что может быть ничтожнее! А между тем меняет все!

Или: "Год до него погиб..." (стр. 11). Нет, не погибал! За год до него он погиб! (Речь идет о бароне Унгерне фон Штернберг.)

Здесь уместно (барон... паша) вернуться к Энверу: никто не поверит Альберту Сыркину, что Энвер ходил в серой барашковой ш а п к е с э с к о р т о м подобострастных адъютантов.

Какой ты подобострастный ни будь, нет такой шапки на земном шаре!

А если бы и была, то находилась бы она не на Энвер-Паше, а в Кремле, рядом с царь-колоколом и пушкой. Царь-шапка.

Альберт открыл миллионы "малярийных бацилл" на стр. 13-й. Нету малярийной бациллы в природе, и нечего на нее клеветать. Никакая бацилла малярии не вызывает.

Но не бывает там разных выражений – как-то: "...флаги их гордо ежедневно

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
полоскались над унылыми стенами" (стр. 21) и "...помогающем созидаться и
строиться пробуждающему Востоку" (стр. 19), и "... скоро затем опять шатался
со мной по Закавказью" (стр. 17) Не бывает, чтобы пробирались делегаты по
бурному Черному морю, "о к у т а н н о м у сплошной с е т ь ю плавучих м и н..."
(стр. 9). Восьмое чудо такие мины, которые, будучи плавучими, сетью окутывают.

Одним словом, такая книжка не стоит 15-ти копеек.

Глава 2: ИМЕНА ИХ ТЫ, ГОСПОДИ, ВЕСИ

Но куда же "Восточной звезде" до "Вечерней Москвы".

Компании захотел – ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и
объявит, что всякая звезда, значит, на небе, так вот как на ладони все видишь!

Это Николай Васильевич Гоголь про "вечорку" сказал. Только он не знал, что в ней
не один кавалер, а несколько, и каждый из них рассказывает изумительные вещи.
Про пуговицы из крови и про памятник собаке, про новоизобретенную самим же
кавалером теорию происхождения рака и про дерево-людоед, про золотую лихорадку и
о том, какая погода будет на земном шаре через 1 миллион лет.

Пища эта может удовлетворить самую жадную любознательность. Но только "о д н о г
о д о в а л о г о" ребенка, как назло, не существует. Бывает двухгодовалый,
возможен трехгодовалый, и несомненен "годовалый", хотя бы его и напоили бензином
вместо лекарства. Можно поверить и в кавалерские рассказы об омоложенном
миллионере, спившемся от радости, но ни в коем случае нельзя верить, что "вчера
днем по г у с т о м у дыму, замеченному с каланчи в районе Останкино, в ы е х а
л а Сухаревская часть" (э 94). Что Сухаревские пожарные – лихие ребята, известно
всем, но такая штука и им не под силу! Сухаревский брандмейстер – не
Илья-пророк.

Кавалер "Ю.Л." побывал на выставке птиц. Обливаясь кровавым потом, сочинял Ю.Л.
отчет об этой выставке (э 92) и все-таки жертвой пал в борьбе с роковой. "О б р
а щ а ю т в н и м а н и е бронзовые и белые и н д е й к и, – написал
предвиденный автором "Ревизора" персонаж – любитель выставок и не добавил, "на
кого" или "на что" обращают свое внимание поразившие его птицы. Хуже, чем
"Ю.Л.у" – пришлось "Приму", побывавшему "на берегах Юкона". Прим хотел
поделиться с публикой ощущениями, полученными им от картины и игры какой-то
актрисы, и сделал это таким образом:

"В ней, как всегда, в п е ч а т л я е т грубоватая простота"...

– Черт знает что! И чина нет такого! Одним... Одним словом, так больше
невозможно.

Прошу их усмирить.

"Журналист", 1925, э 6–7

ШПРЕХЕН ЗИ ДЕЙТЧ?

В связи с прибытием в СССР

многих иностранных делегаций

усилился спрос на учебники

иностраных языков. Между тем

новых учебников мало, – а старые

неудовлетворительны по своему

типу.

Металлист Щукин постучался к соседу своему по общежитию – металлу Крюкову.

– Да, да, – раздалось за дверью.

И Щукин вошел, а войдя, попятился в ужасе – Крюков в одном белье стоял перед маленьким зеркалом и кланялся ему. В левой руке у Крюкова была книжка.

– Здравствуй, Крюков, – молвил пораженный Щукин, – ты с ума сошел?

– Найн, – ответил Крюков, – не мешай, я сейчас. Затем отпрянул назад, вежливо поклонился окну и сказал:

– Благодарю вас, я уже ездил. Данке зер! Ну, пожалуйста, еще одну чашечку чаю, – предложил Крюков сам себе и сам же отказался: – Мерси, не хочу. Их виль... Фу, дьявол... Как его. Нихт, нихт! – победоносно повторил Крюков и выкатил глаза на Щукина.

– Крюков, миленький, что с тобой? – плаксиво спросил приятель, опомнись.

– Не путайся под ногами, – задумчиво сказал Крюков и устался на свои босые ноги. – Под ногами, под ногами, – забормотал он, – а как нога? Все вылетело. Вот леший... фусс, фусс! Впрочем, нога не встретится, нога ненужное слово.

"Кончен парень, – подумал Щукин, – достукался, давно я замечал..."

Он робко кашлянул и пискнул:

– Петенька, что ты говоришь, выпей водицы.

– Благодарю, я уже пил, – ответил Крюков, – а равно и ел (он подумал), а равно и курил. А равно...

"Посижу, посмотрю, чтобы он в окно не выбросился, а там можно будет людей собрать. Эх, жаль, хороший был парень, умный, толковый..." – думал Щукин, садясь на край продранного дивана.

Крюков раскрыл книгу и продолжал вслух:

– Имеете ль вы трамвай, мой дорогой товарищ? Гм... Камрад (Крюков задумался). Да, я имею трамвай, но моя тетка тоже уехала в Италию. Гм... Тетка тут ни при чем. К чертовой матери тетку! Выкинем ее, майне танте. У моей бабушки нет ручного льва. Варум? Потому что они очень дороги в наших местах. Вот сукины сыны! неподходящее! – кричал Крюков. – А любите ли вы колбасу? Как же мне ее не любить, если третий день идет дождь! В вашей комнате имеется ли электричество, товарищ? Нет, но зато мой дядя пьет запоем уже третью неделю и пропил нашего водолаза. А где аптека? – спросил Крюков Щукина грозно.

– Аптека в двух шагах, Петенька, – робко шепнул Щукин.

– Аптека, – поправил Крюков, – мой добрый приятель, находится напротив нашего доброго мэра и рядом с нашим одним красивым садом, где мы имеем один маленький фонтан.

Тут Крюков плюнул на пол, книжку закрыл, вытер пот со лба и сказал по-человечески:

– Фу... здравствуй, Щукин. Ну, замучился, понимаешь ли.

– Да что ты делаешь, объясни! – взмолился Щукин.

– Да понимаешь ли, германская делегация к нам завтра приедет, ну, меня выбрали встречать и обедом угощать. Я, говорю, по-немецки ни в зуб ногой. Ничего, говорят, ты способный. Вот тебе книжка – самоучитель всех европейских языков. Ну и дали! Черт его знает, что за книжка!

– Усвоил что-нибудь?

– Да кое-что, только мозги свернул. Какие-то бабушки, покойный дядя... А настоящих слов нет.

Глаза Крюкова вдруг стали мутными, он поглядел на Щукина и спросил:

– Имеете ли вы кальсоны, мой сосед?

– Имею, только перестань! – взвыл Щукин, а Крюков добавил:

– Да, имею, но зато я никогда не видал вашей уважаемой невесты!

Щукин вздохнул безнадежно и убежал.

ТУСКАРОРА

"Бузотер", 1925, э 19

ДРОЖЖИ И ЗАПИСКИ

Вся эта история целиком помещается в корзине для ненужных бумаг Муромского Раждо и состоит из трех записок.

Записка первая

Георгий Никифорович!

Знаю скверное положение Б. Н. Петрова, просил бы тебя при случае устроить хотя бы куда-нибудь. Он человек старательный.

Н. Лихонин

Записка вторая

Товарищ Кузнецов!

Еще я тебя прошу, если можно, то устрой парня, очень старательный, и если можно, то прошу не отказать.

Кириллов

Записка третья

Резолюция Г. Н. Кузнецова:

В местком служащих на согласование, 21/V. Кузнецов

Ну, что ж тут особенного! Что-то с парнем случилось – попал он в скверное положение и пришлось ему прибегнуть к протекции.

Каковую он и получил. Просил за него у Георгия Никифоровича и Лихонин (помощник ТМ мастерских), и Кириллов (из ЖК-15), и Кузнецов резолюцию поставил.

Вот и все.

Впрочем, нет, не все.

Записка четвертая

В газету "Гудок" рабкора э 68.

Дорогие товарищи!

Обнаружил я записки Лихонина, Кириллова и выше упомянутую резолюцию. Пишут они, что он старательный.

Действительно, старательный.

Ха-ха-ха!

Поступив по запискам на службу в кооператив, Петров прослужил полтора месяца и до того достарался, что получил 12 июля сего года от администрации 80 рублей для покупки дрожжей. Каковые 80 (восемьдесят) рублей пропил до последней копейки,

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
вследствие чего пекарня осталась без опары.

Ха-ха-ха!

Поздравляю наших протекционистов.

Подпись

Записка пятая

И я тоже поздравляю. Так вам и надо. Не развивайте протекционную систему на транспорте, не строчите записок кому попало. Не ходите черным ходом.

МИХАИЛ

"Гудок", 30 июля 1925г.

ТАРАКАН

Ах, до чего замечательный город Москва! Знаменитый город! И сапоги знаменитые!

Эти знаменитые сапоги находились под мышкой у Василия Рогова. А сам Василий Рогов находился при начале Новинского бульвара, у выхода со Смоленского рынка. День был серый, с небом, похожим на портянку, и даже очень легко моросило. Но никакой серости не остановить смоленского воскресенья! От Арбата до Новинского стоял табор с шатрами. Восемь гармоний остались в тылу у Василия Рогова, и эти гармонии играли разное, отравляя душу веселой тоской. От Арбата до первых чахнувших, деревьев в три стены стоял народ и торговал вразвал чем ни попало: и Львом Толстым, босым и лысым, и гуталином, и яблоками, штанами в полоску, квасом и Севастопольской обороной, черной смородиной и коврами.

Если у кого деньги, тот чувствует себя, как рыба в море, на Смоленском рынке. Искупался Василий Рогов в океане и поплыл с сапогами и финским ножом. Сапоги – это понятно. Сапоги давно нужно было купить, ну а финский нож к чему? Купился он сам собой как-то.

Когда Рогов отсчитал два червя за сапоги в палатке, вырос из-под земли человек с кривым глазом и почему-то в генеральской шинели и заметил гнусаво:

– Сапоги купили, папаша! Отличные сапоги.. Ну а такой финский нож вы видали?

И тот сверкнул перед Роговым убийственной сталью...

– Не нужно, – сказал Рогов, уминая под мышку сапоги.

– Шесть рублей финка стоит, – сообщил человек, – а отдаю за четыре, и только по случаю ликвидации лавки.

– Никакой у тебя лавки нет, – возразил с презрением Рогов и подумал: "Сколько этих жуликов на Смоленском! Ах, Боже мой!"

– Таким ножом, если махнуть человеку под ребро, – сладостно заговорил человек, пробуя пальцем коварное лезвие, – то любого можно зарезать.

– Ты смотри, тут и милиционеры есть, – ответил Рогов, пробираясь в чаще спин.

– Берите ножик, отец, за три с полтиной, – гнусавил человек, и дыхание его коснулось крутой шеи Василия Рогова, получившего неизвестно за что в пекарне обидное прозвище Таракан. – Вы говорите цену, папаша! На Смоленском молчать не полагается.

В это время гармония запела марш и весь рынок залила буйною тоской.

– Рубль! – сказал, хихикнув, Таракан, чувствуя счастье благодаря сапогам.

– Берите! – крикнул человечешко и нож всунул в голенище новых Таракановых сапог.

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И сам не зная как, Таракан выжал из-за пазухи кошелек, крепко зажал меж пальцами левой руки пять червонцев, – примеры всякие бывают на Смоленском рынке! – а правой выдернул желтый рубль.

Таким образом наградили Таракана финкой. Видимо, караулила пекаря беда.

Страшно расстроен был Таракан вследствие покупки ненужной вещи. "Что я, в самом деле, людей, что ли, резать им буду?" Поэтому пришлось Таракану зайти в пивную. Выпив две бутылки пива, Таракан почувствовал, что ножик не так уж не нужен. "Молодецкая вещь – финка", – подумал пекарь и вышел на Новинский бульвар.

До чего здесь было оживленно! Фотограф снимал на фоне экрана, изображающего Кремль над густой и синей Москва-рекой, девицу с розой в волосах. Стоял человек с трахомой и пел тоскливо и страшно. Китаец вертел погремушкой, и шел народ и назад, и вперед. И тут услышал Таракан необыкновенный голос, всем заявляющий громко и отчетливо:

– У меня денег воз – дядя из Японии привез.

А потом голос так сказал:

– А сам не кручу, не верчу, только денежки плачу.

И действительно, сам он не крутил. Деревянный восьмигранный волчок крутил тот, кто ставил. А ставить можно было на любой из восьми номеров. А номер на доске, а доска на обыкновенном ящике, а полукружием вокруг ящика мужчины.

– Игра, – заметил голос, – без обману и шансов. Каждый может выиграть жене на печенку, себе на самогонку. Детишкам на молочишко.

Как родной голос совсем звучал. Как дома. Потная молодая личность в кепке все ставила по три копейки на 8-й номер, а он все не выпадал. А потом, как выпал, – выдал голос кепке пятиалтынный. Кепка потной рукой поставила пяточок и – хлоп – 8! Двадцать пять копеек. Он – гривенник (кепка) – 8! Чудеса – подряд. Полтинник. Голосу хоть бы что, хоть дрогнул – платит и платит. Кепка опять гривенник на 8-й, только он уже не выпал. Нельзя же вечно!

Еще кто-то три копейки поставил на 2-й номер. А на волчке вышло 3.

– Эх, рядом надо было! – сказал кто-то.

– Не угадаешь.

Таракан уже был у самого ящика. Финку переложил из голенища за пазуху к кошельку для верности – все бывало на Новинском бульваре!

Кепка поставила гривенник на 7-й, выпал 7-й. Опять полтинник.

– За гривенник – даю полтинник, а за двугривенный – рубль! – равнодушно всех оповестил голос.

Таракан молодецки усмехнулся, бодрый от пива, и смеху ради поставил на 3-й номер три копейки, но вышел 5-й.

– Чем дальше играешь, тем игра веселей! – голос сказал.

Таракан пяточок мелкой медью поставил на 4-й номер и угадал. Голос выдал Таракану четвертак.

– Ишь ты! – шепнули в полукружии.

Таракан как-то удивился, сконфузился и гривенник бросил на 8-й. Теперь сердце в нем екнуло, пока волчок, качаясь, кривлялся на доске. И упало холодно. Не упал 8-й, а 1-й вместо него. Жаль стало почему-то гривенника. "Эх, не нужно было ставить, забрал бы четвертак и ушел. А тут казнь!"

Через четверть часа полукружие стало плотнее, гуще в два ряда. И все отшились, до того всех размахом забил Таракан. Теперь Таракан ничего не видел вокруг,

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru только лепешки без глаз вместо лиц. Но лицо голоса видел отлично – на лице, словно постным маслом вымазанном, бритом с прыщом на скуле, были агатовые прехолодные глаза. Спокоен был голос, как лед. А Таракан оплывал. Не узнала бы Таракана родная мать. Постарел, углы губ обвисли, кожа на лице стала серая и нечистая, а водянистые глаза зашли к небу.

Таракан доигрывал пятый, последний червонец. Серый червонец, вылежавшийся за пазухой. Таракан вынул, и владелец ящика его разменял так: рванный рубль, новый рубль, зеленая трешка и тоненькая, как папиросная бумага, выдавшая виды пятерка. Таракан поставил рубль, еще рубль, не взял. "Что ж я по рублю да по рублю?" – вдруг подумал и почувствовал, что падает в бездну. Трешку! И трешка не помогла. Тогда Таракан шлепнул пятерку, и все мимо поплыло по Новинскому бульвару, когда лапа голоса, похожая на воронью, махнула пятерку с доски. Никто не шелохнулся вокруг, весь мир был равнодушен к злостной Таракановой судьбе. Владелец же ящика вдруг снял доску, взял ее под одну мышку, а ящик под другую – и в сторону.

– Постой! – хрипло молвил Таракан и придержал голос за рукав. Погоди-ка!

– Чего годить-то? – ответил голос. – Ставок больше нет. Домой пора.

– Еще сыграю, – чужим голосом заметил Таракан, вынул сапоги и сразу в тумане нашел покупателя.

– Купи сапоги, – сказал он и увидел, что продает сапоги той кепке, что первая начала игру. Кепка презрительно оттопырила губу, и тут поразился Таракан тому, что у кепки было такое же масляное лицо, как и у голоса.

– Сколько? – спросила кепка, постукивая по подошве расщепленным больным ногтем.

– Двадцать! – вымолвил Таракан. и,

– 12, – нехотя сказала кепка и повернулась уходить.

– Давай, давай! – отчаянно попросил Таракан.

Кепка, свистя через губу, крайне вяло вынула из кармана стального френча червь и два рубля и дала их Таракану. Ящик вернулся на место и легче немного стало Таракану. Он проиграл по рублю пять раз подряд. На счастливый 3-й номер поставил рубль и получил пять. Тут испуг червем обвил сердце Таракана. "Когда же я отыграюсь?" – подумал он и поставил пять на 6-й.

– Запарился парень! – далеко заметил кто-то.

Через минуту чисто было перед Тараканом. Ящик уплыл, доска уплыла, и люди разошлись. Бульвар жил, равнодушный к Таракану, китаец стрекотал погремушкой, а вдали переливались свистки – пора рынок кончать.

Воспаленными глазами окинул Таракан бульвар и ныряющей волчьей походкой догнал кепку, уносившую сапоги. Пошел рядом, кепка покосилась и хотела свернуть вон с бульвара.

– Нет, ты так не уходи! – не узнав своего голоса, молвил Таракан. – Как же это так?

– Чего тебе надо? – спросила кепка, и трусливо забегали его глаза.

– Ты какой же червонец мне дал за сапоги? А? Отвечай!

Свет отчаянья вдруг озарил Тараканову голову, и он все понял. На червонце было чернильное пятно, знакомое Таракану. Вчера это пятно на червонце получил Таракан в жалованье в пекарне. Он голосу проиграл этот червонец, как же он оказался у этого, кем звалась кепка, и Таракан понял, что она, кепка, заодно с голосом. Значит, червонец голос передал кепке? Не иначе.

– Отойди от меня, пьяница! – сурово сказала кепка.

– Я пьяница? – голос Таракана стал высок и тонок. – Я-то не пьяница. А вы сообщники, злодеи! – выкрикнул Таракан.

Прохожие брызнули в стороны.

– Я тебя не знаю! – неприязненно отозвалась кепка, и Таракан понял, что она ищет лаз в газоне. Таракан вдруг заплакал навзрыд.

– Погубили меня, – содрогаясь, говорил он, – убили человека. Деньги профсоюзные... Мне их сдавать в кассу. Под суд идти! – Весь мир заволочло слезами, и кепка смягчилась.

– Что ты, голубчик? – задушевно заговорила она. – Я сам, голубчик мой, проигрался. Сам лишился всего. Ты иди, prospись.

– Сапог мне не жалко, – мучаясь выговорил Таракан, – а пятьдесят не мои. Делегат я. Сироту погубили. Жулики! – внезапно тоненько закричал Таракан. Кепка нахмурилась.

– Пошел ты от меня к чертовой матери! – рассердилась она лицом, а глаза по-прежнему бегали. – Я тебя в первый раз в жизни вижу.

– Верни этого с ящиком! – не помня себя, бормотал Таракан, наступая на кепку. – Подай мне его сейчас! А то я вас власти отдам! Куда же это милиция смотрит? – в ужасе спросил Таракан у любопытной старушечьей мордочки в платке.

Наложила на себя мордочка крестное знамение и мгновенно провалилась в газон. Мальчишки засвистели кругом, как соловьи.

– А ты дай ему, дай, что долго разговаривать! – посоветовал чей-то гнилой голос.

Кепкины глаза теперь ходуном ходили, вертелись, как мыши.

– Отцепись от меня, падаль! – сквозь зубы просвистела кепочка. Никакого я ящика не видел.

– Врешь! Мошенник! Я вас насквозь вижу! – рыдающим голосом воскликнул Таракан. – Мои сапоги за мой же червонец купил!

– Что на них, свои клейма, что ли? – спросила кепочка и косо подалась в сторону. – Я их купил совсем у другого человека, высокого роста, с бельмом, а ты маленький – Т-таракан! Обознался, гражданин! – сладко заметила кепочка, улыбаясь любопытным зрителям одними постными щеками. – А теперь мне голову морочит. Ну, отойди, зараза! – вдруг фыркнула она кошачьим голосом и, как кошка, пошла – легко, легко. Клеш замотался над тупоносными башмаками.

– Говорю, лучше остановись! – глухо бубнил Таракан, цепляясь за рукав. – Передаю тебя ответственности! Люди добрые...

– Эх, надоел! – сверкнув глазами, крикнула кепочка и сухим локтем ударила Таракана в грудь.

Воздуху Таракану не хватило. "Погибаю я, делегат злосчастный, – подумал он. – Уходит... злодей..."

– Ты остановишься? – белыми губами прошептал Таракан и поймал кошачий зрачок отчаянным своим глазом. В зрачке у кепки была уверенность, решимость, не боялась кепка коричневого малого Таракана. Вот сейчас вертушка-турникет, и улизнет кепочка с Новинского!

– Стой, стой, разбойник! – сипел Таракан, закручивая двумя пальцами левой руки скользкий рукав. Кепка молча летела к турникету. – Милиция-то где же? – задыхаясь шепнул Таракан.

Таракан увидел мир в красном освещении. Таракан вынул финку и в неизбышной злобе легко ударил ею кепку в левый бок. Сапоги выпали из кепкиных рук на газон. Кепка завернулась на бок, и Таракан увидел ее лицо. На нем теперь не было и признаков масла, оно мгновенно высохло, похорошело, и мышинные глазки превратились в огромные черные сливы. Пена клоком вылезла изо рта. Кепка, хрипнув, возвела руки

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
к небу и качнулась на Таракана.

– Ты драться?.. – спросил Таракан, отлично видя, что кепка драться не может, что не до драки кепке, не до сапог, ни до чего! – Драться?.. Ограбил и драться? – Таракан наотмашь кольнул кепку в горло, и пузыри выскочили розового цвета на бледных губах. Экстаз и упоение заволокли Таракана. Он полоснул кепку по лицу, и еще раз, когда кепка падала на траву, чиркнул по животу. Кепка легла в зеленую Новинскую траву и заляпала ее пятнами крови. "Финка – знаменитая... вроде как у курицы, кровь человечья", – подумал Таракан.

Бульвар завизжал, заревел, и тысячные, как показалось, толпы запрыгали, заухали вокруг Таракана.

"Погиб я, делегат жалкий, – помыслил Таракан, – черная моя судьба. Кто ж это мне, дьявол, ножик продал, и зачем?"

Он швырнул финку в траву, прислушался, как кепка, вся в пузырях и крови, давится и умирает. Таракану стало жалко кепку и почему-то того жулика с ящиком... "Понятное дело... он на хлеб себе зарабатывает... Правда, жулик... но ведь каждый крутится, как волчок..."

– Не бейте меня, граждане, – тихо попросил пропащий Таракан, боли от удара не почувствовал, а только догадавшись по затемненному свету, что ударили по лицу, – не бейте, товарищи! Делегат я месткома пекарни э 13... Ох, не бейте. Профсоюзные деньги проиграл, жизнь загубил свою. Не бейте, а вяжите! – молвил Таракан, руками закрывая голову.

Над головой Таракана пронзительно, как волчки, сверлили свистки.

"Ишь, сколько милиции... Чрезвычайно много набежало, – думал Таракан, отдаваясь на волю чужим рукам, – раньше б ей надо было быть. А теперь все равно..."

– Пускай бьют, товарищ милицейский, – глотая кровь из раздавленного носа, равнодушно сказал Таракан, понимая только одно, что его влекут сквозь животы, что ноги его топчут, но уже по голове не бьют. – Мне это все равно. Я неожиданно человека зарезал вследствие покупки финского ножа.

"Как в аду, суматоха, – подумал Таракан, – а голос распорядительный..."

Голос распорядительный, грозный и слышный до Кудринских, ревел:

– Извозчик, я тебе покажу – отъезжать! Мерзавец... В отделение!!!

Середина 1920-х гг.

"Заря Востока", 23 августа 1925 г.

ЛИКУЮЩИЙ ВОКЗАЛ

1. ОБЪЯВЛЕНИЕ

В одной московской газете появилось дословно следующее объявление:

"Новость" (с левого боку). Новость! (с левого боку). Новость! (с правого). Новость! (тоже с правого).

– четыре сбоку.

– Какая такая новость? – заинтересовался гражданин.

Новость оказалась следующего сорта;

Все в буфет Александровского вокзала!

Дешево и хорошо.

Обеды, порционные блюда и дежурные.

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вина, водки 40 градусов. Коньяки 60 градусов.

Ликеры 60 градусов.

Наливки разными рюмками и в графинах.

Тверская застава.

– Однако! – воскликнул гражданин, – хоть бы во сне увидеть, что теперь творится на вокзале после такого объявления.

2. СОН

Вокзал грохотал, как фабрика. У подъездов стояли прокатные автомобили, лихачи с ватными задами, таксомоторы и извозчики.

Места в буфете не хватало. Поэтому столики расставили в багажном отделении, на телеграфе и в кабинете помощника начальника станции. В воздухе стоял туман от паровой севрюжки.

Двести лакеев порхали, взмахивая салфетками, а из телеграфа доносился вой скрипок. Там 15 пар танцевали фокстрот.

Поперек окошка в кассу висела надпись:

"Поезд на Смоленск не пойдет, но зато есть свежие раки".

И был нарисован красный рак в фуражке начальника станции с позументом.

На почте красовался плакат:

"К дьяволу с письмами, сегодня блины"

Начальник станции в белом колпаке и в фартуке сидел в своем бывшем кабинете и говорил по телефону.

– Восемь раз стерлядка кольчиком. Салат Оливье шесть раз!

Дверь поминутно хлопала, влетали лакеи, бросали начальнику медные марки, вскрикивали:

– Осетрина Америкен! 5 раз! 8 бутылок очищенной, 7 единиц рябиновки!

Из дамской уборной доносились вопли. Там кого-то били бутылкой "Напареули" и чей-то голос взвизгивал:

– Я покажу тебе, как к чужим дамам приставать! Это тебе не кабак, а Большая Александровская Стрельна!

– Пст!.. человек! Пять рюмок полынной!

– Счас подаю. Сей минут!

Гражданин с чемоданом ввалился на вокзал и ошалел.

– Что ж это у вас делается такое? – робко спросил он у помощника начальника, который во фраке метрдотеля возвышался посередине зала.

– Пропадаем, гражданин! – ответил ему метрдотель. – После этого проклятого объявления вся Москва к нам хлынула. Все бросить пришлось. Сами видите, у нас теперь как в бывшем "Яре" на бывшей масленице.

– А мне в Витебск надо!

– Какой тут Витебск! У нас на витебских путях пиво лежит. Все завалили. Поезжайте, гражданин, домой. Может, с какого другого вокзала уедете, где сухо...

Это, конечно, сон, но все-таки.

Александровский вокзал, уйми своего 60-градусного буфетчика!

ЭММА Б.

"*Гудок", 14 октября 1925г.

АКАФИСТ НАШЕМУ КАЧЕСТВУ

Следует заговорить полным
голосом о качестве нашей
продукции.

Из речи

Вот именно. Я давно уже собираюсь заговорить. И именно полным голосом.

В самом деле, я, правда, не изобретал тепловоза профессора Ломоносова и не принимал у гроссмейстера Капабланки ничью под гром аплодисментов восхищенных комсомольцев в Бассейном зале Дома союзов. Я человек форменно маленький, но, тем не менее, я имею право ходить в носках за свои трудовые деньги.

Ведь носки, в конце концов, не рысаки в яблоках и не бриллиантовые кольца. Носки – предмет первой необходимости.

*

Но прежде чем говорить о носках, я расскажу про шубу на белкином меху. Шуба еще важнее носков.

Получив ордер на 210 рублей по рабочему кредиту, я двинулся в государственный магазин.

Перед тем как двинуться, я имел разговор со своим товарищем, человеком чрезвычайной опытности, каковой человек был с ног до головы одет в сомнительные предметы, приобретенные по рабочему кредиту. Он (человек) сказал мне так:

– А... ордерок. Ну, будешь ты несчастным человеком. Во всяком случае, я тебя научу: когда придешь в магазин, ты не показывай ордера, а выбери сначала вещь. Пусть они тебя примут за буржуя, а потом ордер и вынешь. Вот увидишь, что будет...

"Странно... странно..." – подумал я и явился в магазин.

– Позвольте мне самую лучшую шубу, какая у вас есть. Самую дорогую, самую теплую, самую красивую и самую элегантную. Я хочу носить хорошую шубу, – так сказал я буржуазным голосом.

После этих слов с молодым человеком, стоящим у вешалок, на которых виднелась бездна шуб, сделался припадок.

Во-первых, он, как белка, взобрался куда-то наверх и потом прикатился обратно. Затем нырнул за какую-то таинственную занавеску и выпорхнул с шубой в руках.

– Прочная ли эта шуба? – спросил я, любясь на себя в зеркало в голубой раме.

На это молодой человек ответил так:

– За внуков ваших я не ручаюсь, но сын ваш будет венчаться в этой шубе.

– Сколько она стоит?

– По теперешним временам ей нет цены, – ответил, обворожительно улыбаясь, этот

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
бандит из магазина, – но мы из любви к человечеству и чтобы рекламировать
качество нашей фирмы, продадим ее за 205 рублей. Миль пардон... Я сниму с вас
пушинку.

– я беру ее. Вот вам ордер, – сказал я, – а на остающиеся пять рублей позвольте
мне три пары кальсон и полтинник сдачи. Я по рабочему кредиту.

Ах, жаль, что нельзя было сфотографировать этого преступника во время моих слов.
Нижняя челюсть его легла на его галстух... Он сделал такое движение, как будто
собирался отнять у меня шубу, но было поздно. И в шубе и с кальсонами я ушел из
госмагазина.

*

Это было в ноябре. А через 4 (четыре) месяца – в марте я пришел по делу в один дом
и услышал шепот девочки:

– Мама... Там к папе какой-то оборванный пришел. "Так оборванный. Как это так –
оборванный. Я – оборванный. 205 рублей".

Я бросился к зеркалу, и в марте повисла моя челюсть. В углах карманов были
трещины, все петли лохматились. Барашек на воротнике треснул в трех местах,
локти лоснились, швы белели. А проклятая госбелка, вследствие неизвестной мне
болезни, облысела в двух местах. В остальных же местах ее мех стал похож на
театральный старческий парик.

За белку я плачу до сих пор. Каждый месяц.

Ботинки я купил в прошлом мае. 12-го числа. А четырнадцатого того же мая,
проходя мимо Николая Васильевича Гоголя, сидящего на Арбате, услышал шарканье.
Подняв правую ногу, я убедился, что правый ботинок раскрыл пасть. Из нее
вывалился лоскут газеты.

– Что же это такое, глубокоуважаемый Николай Васильевич? – спросил я. Что это
такое, в самом деле? Ведь позавчера это были блистательные ботинки без каких бы
то ни было признаков болезни?

Но Гоголь был безмолвен и печален на своем постаменте.

*

За ботинки я отдал 35 рублей.

*

Подвязки дамские под названием "Ле жартьер", за 4 с полтиной, и они рассыпались
через две недели.

*

Галоши прослужили два с половиной месяца, а с наступлением мокрой погоды служить
отказались. Очевидно, это галоши, приспособленные только к сухости. И пока они
стояли в передней – были ничего... галоши как галоши. Но лишь только хлынули
вешние воды, они заболели и кончились.

*

И я заболел гриппом.

*

Но ведь, кажется, хотел сказать о носках. Нет. Не буду я о носках говорить
ничего, чтобы не получить дополнение к гриппу еще развитие желчи. Не буду.

*

Достаточно. В углу висит белка. Я ее, лысой дряни, – кредитный раб. В шкафу
брюки, блестящие на том же месте, где, при сидении, они соприкасались со стулом,

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru на гвозде галстух с бахромой, на столе венские сосиски. На постели моя жена, откушавшая венских сосисков, а после них иноземцевых капель... Довольно.

Пора, пора нам заговорить полным голосом о качестве нашей продукции.

Вечерний выпуск "Красной газеты", (Ленинград), 15 мая 1926г.

БУБНОВАЯ ИСТОРИЯ

1. СОН И ГОСБАНК

Мохрикову в номере гостиницы приснился сон – громаднейший бубновый туз на ножках и с лентами на груди, на которых были написаны отвратительные лозунги: "Кончил дело – гуляй смело!" и "Туберкулезные, не глотайте мокроту!"

– Какая смешная пакость! Тыфу! – молвил Мохриков и очнулся. Бодро оделся, взял портфель и отправился в Госбанк. В Госбанке Мохриков мыкался часа два и вышел из него, имея в портфеле девять тысяч рублей.

Человек, получивший деньги, хотя бы и казенные, чувствует себя совершенно особенным образом. Мохрикову показалось, что он стал выше ростом на Кузнецком мосту.

– Не толкайтесь, гражданин, – сурово и вежливо сказал Мохриков и даже хотел прибавить: – у меня девять тысяч в портфеле, – но потом раздумал.

А на Кузнецком кипело, как в чайнике. Ежесекундно пролетали мягкие машины, в витринах сверкало, переливалось, лоснилось, и сам Мохриков отражался в них на ходу с портфелем то прямо, то кверху ногами.

– Упоительный городишко Москва, – начал размышлять Мохриков, – прямо элегантный город!

Сладостные и преступные мечтания вдруг пузырями закипели в мозгу Мохрикова:

– Вообразите себе, дорогие товарищи... вдруг сгорает Госбанк! Гм... Как сгорает? Очень просто, разве он несгораемый? Приезжают команды, пожарные тушат. Только шиш с маслом – не потушишь, если как следует загорит! И вот вообразите: все сгорело к чертовой матери – бухгалтеры сгорели и ассигновки... И, стало быть, у меня в кармане... Ах, да!.. Ведь аккредитив-то из Ростова-на-Дону? Ах, шут тебя возьми. Ну, ладно, я приезжаю в Ростов-на-Дону, а наш красный директор взял да и помер от разрыва сердца, который аккредитив подписал! И кроме того, опять пожар, и сгорели все исходящие, входящие – все ко псам сгорело. Хи-хи! Ищи тогда концов. И вот в кармане у меня беспризорных девять тысяч. Хи-хи! Ах, если б знал наш красный директор, о чем мечтает Мохриков, но он не узнает никогда... Что бы я сделал прежде всего?..

2. ОНА!

...Прежде всего...

Она вынырнула с Петровки. Юбка до колен, клетчатая. Ножки – стройности совершенно неслыханной, в кремовых чулках и лакированных туфельках. На голове сидела шапочка, похожая на цветок колокольчик. Глазки – понятное дело. А рот был малиновый и пылал, как пожар.

"Кончил дело, гуляй смело", – почему-то вспомнил Мохриков сон и подумал: "Дама что надо. Ах, какой город Москва! Прежде всего, если бы сгорел красный директор... фу! вот талия..."

– Пардон! – сказал Мохриков.

– Я на улице не знакомлюсь, – сказала она и гордо сверкнула из-под колокольчика.

– Пардон! – молвил ошеломленный Мохриков, – я ничего!..

– Странная манера, – говорила она, колыхая клетчатými бедрами, увидеть даму и

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
сейчас же пристать. Вы, вероятно, провинциал?

– Ничего подобного, я из Ростова, сударыня, на Дону. Вы не подумайте, чтобы я был какая-нибудь сволочь. Я – инкассатор.

– Красивая фамилия, – сказала она.

– Пардон, – отозвался Мохриков сладким голосом, – это должность моя такая: инкассатор из Ростова-на-Дону.

Фамилия же моя Мохриков, позвольте представиться. Я из литовских дворян. Основная моя фамилия, предки когда-то носили – Мохр. Я даже в гимназии учился.

– На Мопр похоже, – сказала она.

– Помилуйте! Хи-хи!

А что значит "инкассатор"?

– Ответственная должность, мадам. Деньги получаю в банках по девять, по двенадцать тысяч и даже больше. Тяжело и трудно, но ничего. Облечен доверием...

"Говорил я себе, чтобы штаны в полоску купить. Разве можно в таких штанах с дамой разговаривать на Кузнецком? Срам!"

– Скажите, пожалуйста: деньги? Это интересно!

– Да-с, хи-хи! Что деньги! Деньги – тлен!

– А вы женаты?

– Нет, а вы такие молодые, мадам, и одинокие, как...

– Как что?

– Хи-хи, былинка.

– Ха-ха!

– Хи-хи.

.....
– Сухаревская-садовая, э 201... Вы ужасно дерзкий инкассатор!

– Ах, что вы! Мерси. Только в номер заеду переоденусь. У меня в номере костюмов – прямо гибель. Это дорожный, так сказать, не обращайтесь внимания рвань. А какая у вас шапочка очаровательная? Это что вышито на ней?

– Карты. Тройка, семерка, туз.

– Ах, какая прелесть. Хи-хи!

– Ха-ха!

3. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

– Побрейте меня, – сказал Мохриков, прижимая к сердцу девять тысяч, в зеркальном зале.

– Слшсс... С волосами что прикажете?

– Того, этого, причешите.

– Ваня, прибор!

Через четверть часа Мохриков, пахнувший ландышем, стоял у прилавка и говорил:

– Покажите мне лакированные полуботинки... Через полчаса на Петровке в магазине

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru под золотой вывеской "Готовое платье" он говорил:

– А у вас где-нибудь, может быть, есть такая комнатка, этакая какая-нибудь, отдельная, где можно было бы брючки переодеть?..

– Пожалуйста.

Когда Мохриков вышел на Петровку, публика оборачивалась и смотрела на его ноги. Извозчики с козел говорили:

– Пожа, пожа, пожа...

Мохриков отражался в витринах и думал: "Я похож на артиста императорских театров..."

4. НА РАССВЕТЕ

... Когда вся Москва была голубого цвета, и коты, которые днем пребывают неизвестно где, ночью ползали, как змеи, из подворотни в подворотню, на Сухаревской-Садовой стоял Мохриков, прижимая портфель к груди, и, покачиваясь, бормотал:

– М-да... Сельтерской воды или пива если я сейчас не выпью, я, дорогие товарищи, помру, и девять тысяч подберут дворники на улице... То есть не девять, позвольте... Нет, не девять... А вот что я вам скажу: ботинки сорок пять рублей... Да, а где еще девять червонцев? Да, брился я – рубль пятнадцать... Довольно это паскудно выходит... Впрочем, там аванс сейчас я возьму. А как он мне не даст? Вдруг я приезжаю, говорят, что от разрыва сердца помер, нового назначили. Комичная история тогда выйдет. Дорогой Мохриков, спросят, а где же двести пятьдесят рублей? Потерял их, Мохриков, что ли? Нет, пусть уж он лучше не помирает, сукин кот... Извозчик, где сейчас пива можно выпить в вашей паршивой Москве?

– Пожа, пожа, пожа... В казине.

– Это самое... как его зовут?.. Подъезжай сюда. Сколько?

– Два с полтиной.

– И... э... ну, вот, что ты? Как тебя зовут?.. Поезжай.

5. О, КАРТЫ!..

Человек в шоколадном костюме и ослепительном белье, с перстнем на пальце и татуированным якорем на кисти, с фокусной ловкостью длинной белой лопаткой разбрасывал по столу металлические круглые марки и деньги и говорил:

– Банко скиви! Пардон, месье, игра продолжается!..

За круглыми столами спали трое, положивши головы на руки, подобно бездомным детям. В воздухе плыл сизый табачный дым. Звенели звоночки, и бегали с сумочками артельщики, меняли деньги на марки. В голове у Мохрикова после горшановского пива несколько светлело, подобно тому, как светлело за окнами.

– Месье, чего же вы стоите на ногах? – обратился к нему человек с якорем и перстнем. – Есть место, прошу занимайте. Банко скиви!

– Мерси! – мутно сказал Мохриков и вдруг машинально плюхнулся в кресло.

– Червонец свободен, – сказал человек с якорем и спросил у Мохрикова. Угодно, месье?

– Мерси! – диким голосом сказал Мохриков...

6. КОНЕЦ ИСТОРИИ

Озабоченный и очень вежливый человек сидел за письменным столом в учреждении. Дверь открылась, и курьер впустил Мохрикова. Мохриков имел такой вид: на ногах у

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
него были лакированные ботинки, в руках портфель, на голове пух, а под глазами – зеленоватые гнилые тени, вследствие чего курносый нос Мохрикова был похож на нос покойника. Черные косяки мелькали перед глазами у Мохрикова и изредка прерывались черными полосками, похожими на змей; когда же он взвел глаза на потолок, ему показалось, что тот, как звездами, усеян бубновыми тузами.

– Я вас слушаю, – сказал человек за столом.

– Случилось чрезвычайно важное происшествие, – низким басом сказал Мохриков, – такое происшествие, прямо неопишное.

Голос его дрогнул и вдруг превратился в тонкий фальцет.

– Слушаю вас, – сказал человек.

– Вот портфель, – сказал Мохриков, – извольте видеть – дыра, – доложил Мохриков и показал. Действительно, в портфеле была узкая дыра.

– Да, дыра, – сказал человек.

Помолчали.

– В трамвай сел, – сказал Мохриков, – вылезая, и вот (он вторично указал на дыру) – ножиком взрезали!

– А что было в портфеле? – спросил человек равнодушно.

– Девять тысяч, – ответил Мохриков детским голосом.

– Ваши?

– Казенные, – беззвучно ответил Мохриков.

– В каком трамвае вырезали? – спросил человек, и в глазах у него появилось участливое любопытство.

– Э... э... в этом, как его, в двадцать седьмом...

– Когда?

– Только что, вот сейчас. В банке получил, сел в трамвай и... прямо форменный ужас...

– Так. Фамилия ваша как?

– Мохриков. Инкассатор из Ростова-на-Дону.

– Происхождение?

– Отец от станка, мать кооперативная, – сказал жалобным голосом Мохриков. – Прямо погибаю, что мне теперича делать, ума не приложу.

– Сегодня банк заперт, – сказал человек, – в воскресенье. Вы, наверное, перепутали, гражданин. Вчера вы деньги получили?

"Я погиб", – подумал Мохриков, и опять тузы замелькали у него в глазах, как ласточки, потом он хриплым голосом добавил:

– Да это я вчера, которые эти... д... деньги получил.

– А где были вечером вчера? – спросил человек.

– Э... э... Ну, натурально в номере. В общежитии, где остановился...

– В казино не заезжали?

Мохриков бледно усмехнулся:

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Что вы! Что вы! Я даже это... не это... не, не был, да...

– Да вы лучше скажите, – участливо сказал человек, – а то ведь каждый приходит и говорит – трамвай, трамвай, даже скучно стало. Дело ваше такое, что все равно лучше прямо говорить, а то, знаете, у вас пух на голове, например, и вообще. И в трамвае вы ни в каком не ездили...

– Был, – вдруг сказал Мохриков и всхлипнул.

– Ну, вот и гораздо проще, – оживился человек за столом. – И мне удобнее, и вам.

И, позвонивши, сказал в открывшуюся дверь:

– Товарищ Вахромеев, вот гражданина нужно будет проводить...

И Мохрикова повел Вахромеев.

МИХАИЛ

"Гудок", 8 июля 1926г.

ГРОМКИЙ РАЙ

20-го апреля ночью женщина-работница М., уборщица вагонов депо Москва-Ряз. Ур., по обязанностям службы находилась в служебном вагоне э 1922.

Вдруг видит – тащится в вагон пьяная компания. Сам ТРВ Каратаев, с ним два хахалю и какая-то гражданка.

Тотчас Каратаев направляется к уборщице М. и делает ей предложение:

– Так и так, не согласитесь ли объединиться со мной в одном купе?

Словом, предлагает устроить тихий рай. Ну, конечно, получил отказ и вернулся к своей компании.

Только у них там получился совсем не тихий рай, а напротив того – очень громкий.

Поздно ночью слышно было, как неизвестная гражданка снаружи кричала так, что стекла в вагоне звенели.

– Похабники, знакомой даже пяти рублей не заплатили за весь вечер! А еще с кокардами!.. По-видимому, интеллигенты!

И другое, что полагается в таких случаях.

А наутро ТРВ уборщицу М. погнал к вчерашнему хахалю с запиской за этими самыми пятью рублями.

Теперь дальше. Конечно, М. подала заявление в ячейку РКП, а Каратаев с тех пор начал к ней придирается.

Случай совершенно явной придирки произошел 9 июня.

Придя на работу, М. забыла повесить марку на место, но и начальство, и все товарки видели, что она с утра на работе. И вдруг объявляют ей, что полдня не будет записано.

Тут все женщины подняли шум, что это – явная месть со стороны Каратаева, и тогда только начальство отступило.

М. боится, что ее скоро за какой-нибудь пустяк выкинут с позором со службы, и хочет, чтобы ее заявлению был дан ход.

М.

АНГЛИЙСКИЕ БУЛАВКИ

1

Принимать бокс за классовую борьбу – глупо. Еще глупей – принимать классовую борьбу за бокс.

2

Не каждый не делающий своего дела, забастовщик.

3

"Время – деньги". Принимай поэтому деньги вовремя.

4

"Английская болезнь" не всегда консерватизм. Иногда это – просто рахит.

5

Если ты бездейственен по натуре, не вступай в Совет Действия.

6

Совет короля плюс Совет Действия не создают еще советской системы.

7

Объявить забастовку незаконной – нельзя. Можно – просто объявить забастовку.

8

Водить массы за нос – еще не значит быть вождем.

9

Туманными фразами Лондона не удивишь: в нем и без того туманно.

10

Не объясняй лондонского томским – тебе не поверят.

11

Если в палате лордов темно – не удивляйся: "высший свет" – одно, а электрический свет – другое.

12

Не суди забастовщиков за "нарушение тишины". Из-за них ведь затихла вся Англия.

13

Конституция – как женщина. Ей не следует хвастать старостью.

14

Присягая королю, можешь покраснеть. Присяга твоя от этого не станет красной присягой.

15

Входя в Букингемский дворец, не говори: "мир хижинам". Это совершенно неуместно.

На Бога надейся, а с епископом Кентерберийским не спорь.

17

Не бойся политики. Она отнюдь не жена Поллита.

18

Не говори "дело в шляпе", если знаешь, что дело в кепке.

19

Если ты джентльмен, не входи в парламент в короне: головные уборы снимать обязательно.

20

Снявши парик, по голове не плачут.

Ол. Райт

"Бузотер", 1926, э 11

ТИПАЖ

Мощный звонок перешиб "шествие сардара".

- С вами говорит администратор ленинградских, московских и провинциальных театров, - сказал голос на фоне бубнов "Сардара", желательно переговорить с вами по делу.

- Приезжайте ко мне в два часа дня.

- А в час? - спросил далекий администратор.

- Ну... хорошо.

Администратор выключился, затем обогнал Америку и явился в час без четверти.

Гость одет был в пиджак, полосатые брюки, ботинки на пуговицах. Гость был с лысиной, бородкой и печальными глазами.

- Садитесь, пожалуйста, - сказал я, изумляясь тому, что при госте нет портфеля.

Впрочем, отсутствие портфеля возмещалось наличием драгоценного камня в засаленном галстуке, по всем признакам - изумруда.

- Мерси, - сказал гость, - фамилия моя - Суворов-Таврический.

- Скажите, - воскликнул я, стараясь, чтобы изумление мое не приняло неприличных форм. - Без сомнения, Таврический - ваш псевдоним?

- Нет, - ответил гость, - как раз Таврический - фамилия, а псевдоним Суворов. По отцу я - Таврический, а по матери - Котомкин.

- Таким образом, вы - Котомкин-Таврический.

- Да, - подтвердил гость. - Вам, может быть, моя фамилия неприятна?

- Помилуйте! - воскликнул я.

- О вас много и тепло говорил мне Бобров в Ленинграде. Вы знаете Боброва?

- К сожалению, нет... Но я много слышал о нем хорошего, о Боброве, поспешил я утешить гостя.

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Как известно, люди, говорящие о вас много и тепло, редки. Гораздо чаще встречаются такие, что говорят мало, но пакостно, поэтому я сразу взял Боброва на заметку.

– Вы Ленинград знаете? – спросил Суворов.

– Как же!..

– В том месте, где трамваи поворачивают с проспекта 25 Октября, направляясь к "Европейской" гостинице, и где стоит...

– Громаднейший бюст! – подтвердил я.

– Да. В один прекрасный день мая я сел в трамвай, имея при себе в кармане 1200 рублей казенных денег. Нужно вам заметить, что я влюблен в строительство социализма, и вид новых кубиков, которыми мостили, вызвал у меня взрыв восторга. Мысленно я видел великий город в садах и рабочих домах... Проехав четыре квартала, я вышел из трамвая, взялся за карман, зашатался и едва ли не упал... – Тут ужас выразился в мутных глазах Котомкина-Суворова: – Денег при мне не было.

– Вырезали?!

– Вырезали. В то время, когда я любовался кубиками. Я лишился службы в театре.

– А в каком вы служили?

Таврический махнул рукой:

– Мне больно говорить об этом. Три месяца я метался по Ленинграду и покрыл растрату. По счастью, друзья мои, Туррок и тот же Бобров, помогли мне, и я получил место.

– В другом театре?

– Нет, это был кооператив. Мне дали место кассира. Коротко скажу: не успел я прослужить и двух недель, как в том же трамвае и в том же месте у меня вырезали шестьсот семьдесят казенных рублей.

– Однако! – воскликнул я нервно.

– Но это не все, – сказал Суворов, – я переехал в Москву. Мне помогли, и вот я снова при должности.

– В кооперативе?

– Нет, вновь в театре. И по моей специальности, администратором. Я вздрагивал от радости, любясь вашим городом, не совру вам: я плакал не раз в своем номере гостиницы, представляя себе столицу через пять лет...

– Позвольте, – перебил я, – почему плакали?

– Счастливыми слезами, – объяснил Суворов, потом вдруг из глаз его буквально хлынули слезы на пиджак. Он взревел и повалился на колени. Все в голове у меня перевернулось кверху ногами.

– Спасите меня! – каким-то паровозным голосом завыл Котомкин, и в соседней комнате залаяла собака. – В трамвае э 34 на третий день вырезали двести казенных рублей!

– Черт знает что такое... – сказал я тупо.

Произошла пауза, во время которой Котомкин поднялся и заломил руки.

– Ваш изумруд... – начал я.

– Взгляните на него на свет, – пригласил Котомкин.

Я глянул и перестал говорить об изумруде.

– Во всем доме... – начал я, но лицо Котомкина стало так ужасно, что я закончил так: – Во всем доме пятнадцать рублей, и из них десять я вручаю вам.

– Сто девяносто! Еще сто девяносто! – прошептал Суворов. – Вы представляете меня под судом?

Я подумал и ответил:

– Неясно.

В голове моей созрел план.

"Почему негодный Валя никогда не отзывается обо мне так хорошо, как Бобров? Дай-кося я ему сделаю пакость..."

И я сказал:

– У меня есть знакомый...

– О, да! – воскликнул Котомкин страстно. – О, да! Позвоните ему!

Я позвонил Вале и сказал, что к нему хочет приехать администратор по делу.

Котомкин же взял десять рублей и покинул меня.

Через час последовал звонок по телефону.

– Это свинство, – мрачно сказал Валя, кашляя.

– А вы кому-нибудь передали его?

– Юре, – ответил Валя.

И наконец вечером был звонок.

– Я хочу направить к вам... – сказала женщина-писательница Наталья Альбертовна, – администратора...

– А, не надо, – ответил я, – он был у меня.

– Что вы говорите?! Гм... Скажите, пожалуйста, кто такой Бобров?

И тут настал час отплатить Боброву за добро.

– Бобров? Сказать о нем, что он порядочный человек, это мало, – с чувством сказал я в трубку, – наипорядочнейший человек и великолепный знаток людей! Вот каков Бобров!

И, повесив трубку, я с тех пор ничего не слышал ни о Боброве, ни о несчастном, преследуемом судьбою Котомкине-Суворове.

Середина 1920-х гг.

"Литературная газета", 21 февраля 1973 г.

МНЕ ПРИСНИЛСЯ СОН...

Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютый мороз, и крест на чугунном Владимире в неизмеримой высоте горел над замерзшим Днепром.

И видел еще человека, еврея, он стоял на коленях, а изрытый оспой командир петлюровского полка бил его шомполом по голове, и черная кровь текла по лицу еврея. Он погибал под стальной тростью, и во сне я ясно понял, что его зовут Фурман, что он портной, что он ничего не сделал, и я во сне крикнул, заплакав:

– Не смей, каналья!

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И тут же на меня бросились петлюровцы, и изрытый оспой крикнул:

– Тримай його!

Я погиб во сне. В мгновение решил, что лучше самому застрелиться, чем погибнуть в пытке, и кинулся к штабелю дров. Но браунинг, как всегда во сне, не захотел стрелять, и я, задыхаясь, закричал.

Проснулся, всхлипывая, и долго дрожал в темноте, пока не понял, что я безумно далеко от Владимира, что я в Москве, в моей постылой комнате, что это ночь бормочет кругом, что это 23-й год и что уж нет давным-давно изрытого оспой человека.

Хромая, еле ступая на больную ногу, я дотащился к лампе и зажег ее. Она осветила скудость и бедность моей жизни. Я увидел желтые встревоженные зрачки моей кошки. Я подобрал ее год назад у ворот. Она была беременна, а какой-то человек, проходя, совершенно трезвый, в черном пальто, ударил ее ногой в живот, и женщина у ворот видела это. Бессловесный зверь, истекая кровью, родил мертвых двух котят и долго болел у меня в комнате, но не зачах, я выходил его. Кошка поселилась у меня, но меня тоже боялась и привыкала необыкновенно трудно. Моя комната находилась под крышей и была расположена так, что я мог выпускать ее гулять на крышу и зимой, и летом...

Она затосковала, увидя, что я поднялся, открыла глаза и стала следить за мною хмуро и подозрительно. Я глядел на потертую клеенку и растравлял свои раны. Я вспомнил, как двенадцать лет тому назад, когда я был юношей, меня обидел один человек и обида осталась неотомщенной. И мне захотелось уехать в тот город, где он жил, и вызвать его на дуэль. Тут же вспомнил, что он уже много лет гниет в земле и праха даже его не найдешь. Тогда, как злые боли, вышли в памяти воспоминания еще о двух обидах. Они повлекли за собою те обиды, которые я нанес сам слабым существам, и тогда все ссадины на душе моей загорелись. Я, тоскуя, посмотрел на провод. Он свешивался и притягивал меня. Я думал о безнадёжности моего положения, положив голову на клеенку. Была жизнь и вдруг разлетелась, как дым, и я почему-то оказался в Москве, совершенно один в комнате, и еще на голову мою навязалась эта обиженная дымчатая кошка. Каждый день я должен был покупать ей на гривенник мяса и выпускать ее гулять, и кроме того, она рожала три раза в год, и всякий раз мучительно, невыносимо, и приходилось ей помогать, а потом платить за то, чтобы одного котенка утопили, а другого растить и затем умильно предлагать кому-нибудь в доме, чтобы взяли и не обижали.

Обуза, обуза.

Из-за чего же это все?

Из-за дикой фантазии бросить все и заняться писательством.

Я простонал и пошел к дивану. Свет исчез. Во тьме некоторое время пели пружины простуженными голосами. Обиды и несчастья мало-помалу начали расплываться.

Опять был сон. Но мороз утих, и снег шел крупный и мягкий. Все было бело. И я понял, что это Рождество. Из-за угла выскочил гнедой рысак, крытый фиолетовой сеткой.

– Гись! – крикнул во сне кучер. Я откинул полость, дал кучеру денег, открыл тихую и важную дверь подъезда и стал подниматься по лестнице.

В громадной квартире было тепло. Боже мой, сколько комнат! Их не перечесать, и в каждой из них важные, обольстительные вещи. От пианино отделился мой младший брат. Смеялся, поманил меня пальцем, несмотря на то, что грудь его была прострелена и залеплена черным пластырем, я от счастья стал бормотать и захлебываться.

– Значит, рана твоя зажила? – спросил я.

– О, совершенно.

На пианино над раскрытыми клавишами стоял клавир "Фауста", он был раскрыт на той странице, где Валентин поет.

- И легкое не затронута?

- О, какое легкое?

- Ну, спой каватину.

Он запел.

От парового отопления волнами ходило тепло, сверкали электрические лампы в люстре, и вышла Софочка в лакированных туфлях. Я обнял ее. Потом сидел на своем диване и вытирал заплаканное лицо. Мне захотелось увидеть какого-нибудь колдуна, умеющего толковать сны. Но и без колдуна я понял этот сон.

Фиолетовая сеть на рысаке – это был год 1913-й. Блестящий, пышный год. А простреленная грудь, это неверно – это было гораздо позже – 1919. И в квартире этой брат быть не мог, это я когда-то жил в квартире. На Рождестве я вел под руку Софочку в кинематограф, снег хрустел у нее под ботиками, и Софочка хохотала.

Во всяком случае, черный пластырь, смех во сне, Валентин означать могли только одно – мой брат, которого в последний раз я видел в первых числах 1919 года, убит. Где и когда, я не знаю, а может быть, не узнаю никогда. Он убит, и, значит, от всего, что сверкало, от Софочки, ламп, Жени, фиолетовых помпонов, остался только я один на продранном диване в Москве ночью 1923 года. Все остальное погибло.

Ночь беззвучна. Пахнет плесенью. Не понимаю только одного, как могло мне присниться тепло? В комнате у меня холодно.

*

...Хорошо умирать в квартире на чистом душистом белье или в поле. Уткнешься головой в землю, подползут к тебе, поднимут, повернут лицом к солнцу, а у тебя уж глаза стеклянные.

Но смерть что-то не шла.

"Бром? К чему бром? Разве бром помогает от разрыва сердца?"

Все же руку я опустил к нижнему ящику, открыл его, стал шарить в нем, левой рукой держась за сердце. Бром не нашлось, обнаружил два порошка фенаcetина и несколько стареньких фотографий. Вместо брома я выпил воды из холодного чайника, после чего мне показалось, что смерть отсрочена.

Прошел час. Весь дом по-прежнему молчал, и мне казалось, что во всей Москве я один в каменном мешке. Сердце давно успокоилось, и ожидание смерти уже представлялось постыдным. Я притянул насколько возможно мою казарменную лампу к столу и поверх ее зеленого колпака надел колпак из розовой бумаги, отчего бумага ожила. На ней я выписал слова: "И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими". Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет. Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз. И страшного человека в оспе, мои сны. Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко. Печатать этого я вообще не собирался.

Встал я из-за стола, когда в коридоре послышалось хриплое покашливание бабки Семеновны, женщины, ненавидимой мною всей душой за то, что она истязала своего сына, двенадцатилетнего Шурку. И сейчас даже, когда со времени этой ночи прошло шесть лет, я ненавижу ее по-прежнему.

Я откинул штору и увидел, что лампа больше не нужна, на дворе синело, на часах было семь с четвертью. Значит, я просидел за столом пять часов.

*

С этой ночи каждую ночь в час я садился к столу и писал часов до трех-четырёх. Дело шло легко ночью. Утром произошло объяснение с бабкой Семеновной.

- Вы что же это. Опять у вас ночью светик горел?
- Так точно, горел.
- Знаете ли, электричество по ночам жечь не полагается.
- Именно для ночей оно и предназначено.
- Счетчик-то общий. Всем накладно.
- У меня темно от пяти до двенадцати вечера.
- Неизвестно тоже, чем люди по ночам занимаются. Теперь не царский режим.
- Я печатаю червонцы.
- Как?
- Червонцы печатаю фальшивые.
- Вы не смейтесь, у нас домком есть для причесанных дворян. Их можно туда поселить, где интеллигенция, нам, рабочим, эти писания не надобны.
- Бабка, продающая тянучки на Смоленском, скорее частный торговец, чем рабочий.
- Вы не касайтесь тянучек, мы в особняках не жили. Надо будет на выселение вас подать.
- Кстати, о выселении. Если вы, Семеновна, еще раз начнете бить по голове Шурку и я услышу крик истязуемого ребенка, я подам на вас жалобу в народный суд, и вы будете сидеть месяца три, но мечта моя посадить вас на больший срок.

Для того чтобы писать по ночам, нужно иметь возможность существовать днем. Как существовал в течение времени с 1921 года по 1923-й, я вам писать не стану. Во-первых, вы не поверите, во-вторых, это к делу не относится.

Но к 1923 году я возможность жить уже добыл.

На одной из моих абсолютно уж фантастических должностей со мной подружился один симпатичный журналист по имени Абрам.

Абрам меня взял за рукав на улице и привел в редакцию одной большой газеты, в которой он работал.

Я предложил по его наущению себя в качестве обработчика. Так назывались в этой редакции люди, которые малограмотный материал превращали в грамотный и годный к печатанию.

Мне дали какую-то корреспонденцию из провинции, я ее переработал, ее куда-то унесли, и вышел Абрам с печальными глазами и, не зная, куда девать их, сообщил, что я найден негодным.

Из памяти у меня вывалилось совершенно, почему через несколько дней я подвергся вторичному испытанию. Хоть убейте, не помню. Но помню, что уже через неделю приблизительно я сидел за измызганным колченогим столом в редакции и писал, мысленно славословя Абрама.

Одно вам могу сказать, мой друг, более отвратительной работы я не делал во всю свою жизнь. Даже сейчас она мне снится. Это был поток безнадежной серой скуки, непрерывной и неумолимой. За окном шел дождь.

Опять-таки не припомню, почему мне было предложено писать фельетон. Обработки мои здесь не играли никакой роли. Напротив, каждую секунду я ждал, что меня вытурят, потому что, я вам только скажу по секрету, работник я был плохой, неряшливый, ленивый... Возможно (и кажется, так), что сыграла здесь роль знаменитая, неподражаемая газета "Сочельник". Издавалась она в Берлине, и в ней я писал фельетоны...

В один прекрасный день ввалился наш знаменитый Июль, помощник редактора (его звали Юлий, а прозвали Июль), симпатичный человек, но фанатик, и заявил:

– Михаил, уж не ты ли пишешь фельетоны в "Сочельнике"?

Я побледнел, решил, что пришел мой конец. "Сочельник" пользовался единодушным повальным презрением у всех на свете. Но, оказывается, Июль хотел, чтобы я писал такие же хорошие фельетоны, как и в "Сочельнике".

И тут произошел договор. Меня переводили на жалование повыше того, чем у обработчика, а я за это обязывался написать восемь небольших фельетонов в месяц. Так дело и пошло.

Открою здесь еще один секрет: сочинение фельетона строк в семьдесят пять – сто занимало у меня, включая сюда и курение, и посвистывание, от восемнадцати до двадцати двух минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, – восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось. Я подписывал фельетон или каким-нибудь глупым псевдонимом, или иногда зачем-то своей фамилией и нес его или к Июлю, или к другому помощнику редактора, который носил редко встречающуюся фамилию Навзикат.

Этот Навзикат был истинной чумой моей в течение лет трех. Выяснился Навзикат к концу третьих суток. Во-первых, он был неумен. Во-вторых, груб. В-третьих, заносчив. В газетном деле ничего не понимал. Так что почему его назначили на столь ответственный пост, недоумеваю.

Навзикат начинал вертеть фельетон в руках и прежде всего искал в нем какой-нибудь преступной мысли. Убедившись, что явного вреда нет, он начинал давать советы и исправлять фельетон.

В эти минуты я нервничал, курил, испытывал желание ударить его пепельницей по голове.

Испортив по возможности фельетон, Навзикат ставил на нем пометку: "В набор", и день для меня заканчивался. Далее весь свой мозг я направлял на одну идею, как сбежать. Дело в том, что Июль лелеял такую схему в голове: все сотрудники, в том числе и фельетонисты, приходят минута в минуту утром и сидят до самого конца в редакции, стараясь дать государству как можно более. При малейших уклонениях от этого честный Июль начинал худеть и истощаться.

Я же лелеял одну мысль, как бы удрать из редакции домой, в комнату, которую я ненавидел всю душой, но где лежала груда листов. По сути дела, мне совершенно незачем было оставаться в редакции. И вот происходил убой времени. Я, зеленея от скуки, начинал таскаться из отдела в отдел, болтать с сотрудниками, выслушивать анекдоты, накуриваться до отупения.

Наконец, убив часа два, я исчезал. Таким образом, мой друг, я зажил тройной жизнью. Одна в газете. День. Льет дождь. Скучно. Навзикат. Июль. Уходишь, в голове гудит и пусто.

Вторая жизнь. Днем после газеты я плелся в московское отделение редакции "Сочельника". Эта вторая жизнь мне нравилась больше первой.

Нужно вам сказать, что, живя второю жизнью, я сочинил нечто листа на четыре приблизительно печатных. Повесть? Да нет, это была не повесть, а так, что-то такое вроде мемуаров.

Отрывок из этого произведения искусства мне удалось напечатать в литературном приложении к "Сочельнику". Второй отрывок мне весьма удачно пришлось продать одному владельцу частного гастрономического магазина. Он пылал страстью к литературе и для того, чтобы иметь возможность напечатать свою новеллу под названием "Злодей", выпустил целый альманах. Там было, стало быть, новелла лавочника, рассказ Джека Лондона, рассказы советских писателей и отрывок вашего слуги. Авторам он заплатил. Часть деньгами, часть шпротами. Дальше заело. Сколько ни бегал по Москве с целью продать кому-нибудь кусок из моего произведения, я ничего не достиг. Кусок не прельщал никого, равно как и произведение в целом...

Меж тем фельетончики в газете дали себя знать. К концу зимы все было ясно. Вкус мой резко упал. Все чаще стали проскакивать в писаниях моих шаблонные словечки, истертые сравнения. В каждом фельетоне нужно было насмешить, и это приводило к грубостям. Лишь только я пытался сделать работу потоньше, на лице у палача моего Навзиката появлялось недоумение. В конце концов я махнул на все рукой и старался писать так, чтобы было смешно Навзикату. Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил.

Когда наступал какой-нибудь революционный праздник, Навзикат говорил:

– Надеюсь, что к послезавтрашнему празднику вы разразитесь хорошим героическим рассказом.

Я бледнел и краснел, и мялся.

У него, как я уже давно понял, был странный взгляд на журналистов и писателей. Он полагал, что журналист может написать все что угодно и что ему безразлично, что ни написать. Сами понимаете, что на эту тему я с Навзикатом не беседовал. Июль был тоньше и умней и без бесед сообразил, что с героическими рассказами у меня не склеится. Печаль заволокла совершенно его бритую голову. Кроме того, я, спасая себя, украл к концу третьего месяца один фельетон, а к концу четвертого парочку, дав семь и шесть.

– Михаил, – говорил потрясенный Июль, – а ведь у тебя только шесть фельетонов.

Июль со всеми, начиная с наиответственного редактора и кончая уборщицей, был на "ты". И все ему платили тем же.

– Неужели только шесть? – удивился я. – Верно, шесть. Ты знаешь, Июль, у меня в последнее время частые мигрени.

– От пива, – поспешно вставил Июль.

– Не от пива, а от этих самых фельетонов.

– Помилуй, Михаил. Ты тратишь два часа в неделю на фельетон!

– Голубчик, если бы ты знал, чего стоит этот час.

– Ну, не понимаю... В чем дело!..

Навзикат сделал попытку прийти на помощь Июлю. Идеи рождались в его голове, как пузыри.

– Надеюсь, что вы разразитесь фельетоном по поводу французского министра.

Я почувствовал головокружение.

Вам, друг, объясняю, и вы поймете: мыслимо ли написать хороший фельетон по поводу французского министра, если вам до этого министра нет никакого дела?.. Где министр, что министр?!

Словом, в конце концов отступились от меня. На радостях, что я навеки избавился от французских министров и русских горняков, я украл в этом месяце три фельетона, дав пять фельетонов. Стыжусь признаться, что в следующем я представил четыре. Тут терпение Июля лопнуло, и он перевел меня на сдельную работу.

Середина 20-х гг.
"Неделя", 1973, э 43.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Рассказы, очерки, фельетоны 1925–1927 годы. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!